

Глава 2

ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЭТНОНИМЫ ВЕПСОВ

И. И. Муллонен

2.1. Территория расселения вепсов

Вепсы проживают на пограничье трех современных административных образований: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской обл. Административная разобщенность усугубляется и тем, что внутри областей вепские поселения принадлежат разным районам: Подпорожскому, Лодейнопольскому, Бокситогорскому и Тихвинскому в составе Ленинградской обл. и Бабаевскому и Вытегорскому в Вологодской обл. В прошлом административное членение неоднократно менялось, и вепсская территория оказывалась разделенной между Олонецким и Новгородскими губ., а еще раньше между Обонежской пятиной и Белозерским краем, Новгородским и Белозерским княжествами.

Географически территория современного вепского расселения тяготеет к верховьям небольших лесных рек на водоразделе Балтийского и Волжского бассейнов. Такая характеристика ареала однозначно маркирует его как остаточный, образовавшийся в ходе поэтапного сокращения в связи с обрусением традиционных вепских поселений, располагавшихся вдоль транзитных водных и водно-волоковых путей в межозерье Онежского, Ладожского и Белого озер. За рубежами современного вепского языкового ареала сохранились многочисленные следы бывшего вепского наследия как в языке, включая топонимию, так и культуре — свидетельство исторического вепского прошлого территории. Некоторые фрагменты исторической карты реконструируются при помощи исторических свидетельств, упоминающих вепсов как жителей

целого ряда утраченных или обрусевших поселений на территории современных Лодейнопольского, Подпорожского и Бокситогорского р-нов Ленинградской обл., Вытегорского р-на Вологодской обл. [Йоалайд, 1989]. К сожалению, список таких сведений ограничен и мозаичен. В этой ситуации полезным оказывается привлечение косвенных источников, среди которых важное место принадлежит языковым. Убедительно доказано присутствие вепского субстрата в двух южнокарельских наречиях — ливвиковском и людиковском [Itkonen, 1971; АКЯ], что дает основание для включения в ареал бывшего вепского расселения территории Олонецкого, или Онежско-Ладожского, перешейка. В свою очередь, вепское наследие в русских говорах Обонежья [Мызников, 2003, 2004] свидетельствует о вепской странице в истории этой территории. Видимо, методически наиболее разработанной следует считать реконструкцию вепского этноязыкового ареала по данным топонимии. В силу массовости, привязки к территории, исключительной устойчивости во времени топонимы характеризуются значительным этноисторическим потенциалом. В результате картографирования специфически вепских топонимов и топонимных моделей оказалось, что их ареалы накладываются друг на друга и очерчивают ту территорию, на которой бытовали вепские названия, а значит, и вепский язык. Это довольно обширный регион, в центре которого находится Онежское озеро, соединенное водными и водно-волоковыми путями с Ладожским и Белым озерами,

Белым морем и рекой Онегой (рис. 7). Вепсов иногда называют образно людьми леса, соотносясь с современной территорией вепсского расселения, — в отдалении от магистральных дорог, в небольших деревнях, затерявшихся в глубь северных лесов межозерья Онежского, Ладожского и Белого озер. Однако исторически им больше подходит образ людей рек и речных дорог. Вепсы населяли побережья рек и озер, бывших в доиндустриальную эпоху основными магистралями продвижения на север. Именно по вепским рекам прошли в наше время и Волго-Балт, и Беломоро-Балтийский водный путь. До этого, в начальные века II тыс., вепскими водными и водно-волоковыми путями воспользовалась новгородская колонизация севера, следствием которой стало обрусение вепсов на Свири, вдоль Онежского побережья и на обозначенных водных путях. Вепские селения сохранились прежде всего в глухих водораздельных местах, в отдалении от больших дорог, как правило, в притяжении административных границ — областных и районных.

Далее предпринята попытка реконструкции границ исторической вепсской территории на основе привлечения целого ряда косвенных доказательств: от ландшафтно-географических особенностей территории и исторического административного членения до топонимических свидетельств и карты современного вепсского расселения.

Формирование территории и ее рубежей обусловлено как природными, так и культурными факторами [Муллонен, 2012]. Северная граница исторической вепсской территории, тянущаяся от северо-восточного угла Ладожского озера к северному Обонежью, накладывается на северную границу зоны среднетаежных лесов, а также южной климатической зоны [см. карту растительности в КЭ, 2007, с. 26]. При этом природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, более благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Это обстоятельство позволяет предполагать, что продвижение вепсов на север Обонежья было связано не только с промысловым освоением, как традиционно считалось на основе анализа археологических материалов, но и сельскохозяйственной культурой средневекового населения. Самая северная точка присутствия вепсской топонимии привязана к Выгозерью, помеченному, в частности, древней вепсской гидронимной основой *Сара*, дифференцирующей вепсской топоосновы *Пурд* в топониме *Пурдомох* (вепс. *purde* 'родник'), и свидетельствует о вепских интересах на транзитном водно-волоковом пути, соединяющем Онежское озеро и Белое море, во всяком случае, в южной его части, включая Выгозеро. Севернее, на берегу Белого моря, топонимов вепсского типа выявить

не удалось, что в целом закономерно в контексте земледельческих приоритетов вепсов при освоении северных территорий.

Земледельческими предпочтениями населения обуславливались и западная и северо-западная границы, проходившие в северо-восточном Приладожье, в районе Питкяранты, где на смену плодородным речным долинам восточных притоков Ладожского озера приходят пологие сопки северного побережья, склоны покрыты мореной и супесью, побережье скалистое, что малоинтересно для развития земледелия [Культурное окружение, 1998, с. 21–22]. Продвижение же вглубь материка на север от Ладожского побережья ограничивалось здесь обширными болотами, тянувшимися на север к Суоярви¹.

Реконструированная юго-западная граница вепсского освоения проходит по р. Тихвинке — южной границе рек Ладожского бассейна, а южная выходит за его пределы на верховья рек Волжского бассейна Лиди и Суды. При этом в низовьях и на среднем течении Тихвинки вепсское топонимическое наследие в сильной степени размыто ранним новгородским освоением, хотя все же прослеживается в присутствии в верховьях Тихвинки этнонимических географических названий *Чудцы*, *Чудская*, *Чудское*, которые маркируют территорию вепско-русского пограничья. Пограничный характер территории верхней Тихвинки подтверждается и наличием здесь деления ряда поселений на чудские (т. е. вепские) и русские: *Чухарское Пятино* и *Русское Пятино*, *Русское Дмитрово* и *Чудское Дмитрово*.

Что же касается р. Лиди и Суды, то вепские поселения концентрируются в их верховьях, куда население проникало с северо-запада — верховий рек Балтийского бассейна Ояти, Паши и Капши. На такое направление миграции указывают исторические источники. Так, карты землевладения Белозерского края конца XV в. отмечают на Суде только два погоста (Колошемский и Чужбой), причем оба располагаются в верховьях реки [Копанев, 1951]. Ниже река не освоена. Косвенным образом о миграции с рек Балтийского бассейна на реки бассейна Белого озера свидетельствуют и многочисленные языковые факты, в частности вхождение вепских говоров, бытующих на Ояти, в один диалектный ареал с говорами верхней Суды, целый ряд общих черт между средневепскими говорами верхней Капши и южновепскими говорами верхней Лиди. Их объединяют и общие топонимные модели, среди которых, например, модель *Kaumišt* ~ *Kaamišt*, использовавшаяся в топонимии верховий Капши, Паши и Лиди для называния культовых мест дохристианских захоронений (вепс. *kaumišt* 'кладбище'), в которых вплоть до XVI в. продолжались традиции

¹ Характерно, что этот северо-восточный угол Ладоги не привлекал и карелов, ранняя история которых привязана к более западной территории северного и северо-западного берега Ладожского озера. Особенностью его были многочисленные озерные заливы, побережья которых вследствие ладожской регрессии характеризовались плодородной почвой и были благоприятны для ведения земледелия. Этот пограничный между вепским восточным и карельским Северо-Западным Приладожьем глухой угол начал осваиваться карелами только во второй половине II тыс. н. э.

погребения курганной культуры юго-восточного Приладожья рубежа I–II тысячелетий.

Продвижению вепсского освоения вниз по Лиди и Суде препятствовали как неблагоприятные для земледелия болотистые почвы в их среднем течении, так и раннее русское освоение низовий названных рек. При этом активная русская колонизация в целом обошла Суду и Лидь стороной, поскольку путь по ним из Белозерья вел практически в тупик, к глухим водоразделам [Муллонен, 2012].

Исходя из летописного упоминания о веси на Белом озере, а также учитывая, что несколько вепских деревень до сих пор сохранилось в притяжении северо-западного побережья Белого озера, в науке принято включать Белое озеро в границы этнической вепсской территории. Эта традиционная точка зрения требует с учетом современных исследований некоторого уточнения. Во-первых, анализ источников исторического Белозерского края показывает, что на фоне рано и довольно плотно освоенного южного и юго-восточного Белозерья освоение северных и западных его областей, где проживало или проживало в прошлом документально засвидетельствованное вепское население, происходило после XV в. в ходе миграции вепсов из Обонежья. Так, например, Куйский погост появляется в источниках в середине XVI в., а Пондальский — в начале XVII столетия [Копанев, 1951]. При этом в языковом отношении вепские белозерские говоры, с одной стороны, демонстрируют значительное единство с более северными говорами — как следствие миграции населения из-за северных и западных пределов Белозерья, с другой — включают языковое наследие древнего невеппского населения. Последнее особенно убедительно заявляет о себе в топонимии Белозерья, сохранившей значительный комплекс довеппских названий, которые могут быть условно названы «вепскими», т. е. принадлежавшими летописной белозерской веси, постепенно растворившейся в южной части ареала в потоке новгородского освоения, а в северной — в более позднем прибалтийско-финском (вепском потоке), воспринявшем этноним от своих белозерских предшественников. Анализ детерминантов субстратной топонимии Белозерья достаточно убедительно свидетельствует об их принадлежности языку западноуральского типа, занимавшему промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими и, видимо, мордовскими языками [Захарова, Макарова, Муллонен, 2016]. С учетом обозначенных фактов следует, очевидно, признать вторичный характер освоения вепсами территории Белозерья, при этом раннее русское освоение южного и восточного Белозерья в связи с выходом сюда транзитных водно-волоковых путей препятствовало вепской колонизации этих районов, которая в результате слабо ощутима за пределами северного и западного побережий Белого озера. В свою очередь, юго-восточная и восточная границы исторического вепско-этноязыкового ареала были обусловлены транзитными водными и волоковыми путями из Белого

озера к верховьям р. Онеги и далее по Онеге в Поморье, рано и интенсивно освоенными новгородцами, а до них, судя по обилию сохранившейся здесь субстратной топонимии западноуральского типа, верхневолжскими финно-уграми. Таким образом, южные и восточные рубежи вепсской территории формировались с учетом интенсивности освоения территории другими этническими коллективами, а северные и западные определялись в первую очередь природными и ландшафтно-географическими обстоятельствами. При этом связующими нитями, пронизывающими территорию и связывающими ее в некое единое целое, служили водные пути.

Логично полагать, что в формировании вепсского этноязыкового ареала было несколько этапов. Один из самых ранних маркирован, возможно, археологическими памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тыс., представленными в юго-восточном Приладожье — в бассейнах р. Сяси и Тихвинки, Воронежки и Свири с притоками Пашой, Капшой и Оятью, впадающих в Ладожское озеро с юга, а также на р. Олонке, Тулоксе и Видлице — восточных притоках Ладоги. При этом сфера вепского этнического воздействия распространялась и до Онежского озера, курганы приладожского типа обнаружены на его западном берегу в низовье р. Шуи [Спиридонов, 2013], а также на северном побережье у с. Кокорино и Челмужи [Кочкуркина, 2011, с. 74] — в этапных пунктах на водно-волоковом пути, пересекавшем Заонежский полуостров. В это время наметилось и продвижение в направлении Белозерья, где отдельные следы курганной культуры прослеживаются на водоразделе рек Балтийского и Волжского бассейнов — Капши и Лиди. В модифицированной форме грунтовых могильников она сохранялась здесь вплоть до XVI в. [Башенькин, 1994]. Косвенным доказательством вепских этноязыковых корней носителей приладожской курганной культуры служит то обстоятельство, что ареал последней сопровождается на языковом уровне названиями поселений, образованными от древних вепских некалендарных имен и прозвищ с помощью форманта *-i*, который в результате русской адаптации преобразовывался в *-ичи/-ицы*: Винницы из *Vingl*, Валданицы из **Valdal*, Харагиничи из *Haragl* и др. Некоторые из топонимов этой модели (Винницы, Тервиничи) упомянуты уже в самом раннем историческом документе, известном по территории Присвирья, т. н. приписке к Уставу князя Святослава Ольговича XIII в. В прибалтийско-финском языковом ареале эта модель маркирует территорию относительно раннего земледельческого освоения, выступая в названиях своеобразных «родовых» деревень, центров, откуда происходило вторичное заселение территории [Nissilä, 1961, с. 91–92; Муллонен, 2002, с. 84–98].

На следующем этапе происходило продвижение вглубь территории, расположенной в верховьях рек, на водоразделах, а также смещение границ в восточном направлении. Можно полагать, что определенный этап в формировании зафиксирован в административной карте Обонежской

пятины — исторического административного подразделения, образовавшегося в XV в. в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Реконструированные выше границы исторической вепсской территории в значительной степени совпадают с ее рубежами, особенно в пределах Заонежских погостов Обонежья. Такая ситуация коррелирует с упоминавшимся выше отсутствием ранних вепских погостов в северном Белозерье, т. е. в пределах исторического Белозерского края. На протяжении веков происходило смещение границ в восточном направлении. В связи с начавшимся в первые века II тыс. древнерусским освоением юго-западных рубежей исторического вепсского ареала, а также карельским проникновением на Онежско-Ладожский перешеек здесь происходила нивелировка вепсского этнического самосознания. В то же время в ходе освоения новых территорий за юго-восточными границами в Белозерье наблюдалось включение их в границы вепского этнокультурного ареала.

Очертив внешние границы вепсского этноязыкового ареала, обратимся теперь к внутреннему его членению, отразившемуся в вепсской диалектной карте, имея при этом в виду, что за ее пределами оказывается обширный исторический вепсский ареал, подвергшийся обрушению. Современные вепские диалекты размещаются относительно компактно на в целом единой территории, на которой принято выделять в соответствии с реальным взаиморасположением три диалектных ареала: северный на юго-западном берегу Онежского озера в пределах Республики Карелия, средний, привязанный, с одной стороны, к бассейнам р. Ояти и Капши (бас. р. Свирь) в границах Подпорожского, Лодейнопольского и Тихвинского р-нов Ленинградской обл. (западные говоры), с другой — к малым рекам на водоразделе онежского и белозерского водных бассейнов, в границах Вытегорского и Бабаевского р-нов Вологодской обл. (т. н. восточные говоры), и, наконец, южный, в верховьях Лиди, административно входящий в Бокситогорский р-н Ленинградской обл. Понятно, что привязка к водным бассейнам в данном случае имеет более принципиальное значение, чем апелляция к административным границам, которые на протяжении столетий менялись неоднократно². Определенная языковая дистрибуция накладывается на административную главным образом в случае, когда последняя имеет под собой более глубокие исторические корни, обусловленные топографически.

При значительном единстве вепских говоров просматривается определенная обособленность

южновепсского диалекта. Она основана, в первую очередь, на географических обстоятельствах: южновепсский языковой ареал расположен в верховьях р. Лидь, входящей в Волжский бассейн, в то время как основная северно- и средневепская территория располагается на реках Балтийского бассейна, что предполагает наличие разной предыстории и разных этноязыковых связей. Эта географическая ситуация послужила в определенной степени подоплекой и для формирования административного членения, разделившего вепскую территорию между Олонецкой и Новгородской губ. В целом с таким раскладом согласуются и те лексические изоглоссы, которые объединяют южновепские говоры с восточными средневепскими, в первую очередь с белозерскими, уже само название которых указывает на их белозерский (т. е. верховолжский, а не балтийский) регион. Территориально они тоже входили в состав Новгородской губ. Целый ряд языковых параллелей в южных и белозерских говорах свидетельствует об устойчивых связях, существовавших в прошлом между этими вепскими ареалами. Неким передаточным звеном в цепочке говоров, связывавших названные территории, могли быть утраченные уже говоры по р. Колошме и Ножме на верхней Суде, в культурном и языковом наследии которых обнаружены и другие свидетельства существования такого коридора [Муллонен, 2006].

В целом же восточная часть вепсского языкового ареала, т. е. территория бытования т. н. восточных средневепских говоров, не едина. В то время как белозерские говоры, бытующие в южной части Онежско-Белозерского водораздела, тяготеют по некоторым параметрам к говорам южного диалекта (см. выше), говоры северной части Онежско-Белозерского водораздела (в частности, шимозерские) демонстрируют близкое родство с северновепскими говорами. Собственно, эта неоднородность формировалась еще столетия назад и отражена в материалах писцового дела XV–XVI вв. по Обонежской пятине, в соответствии с которыми Шимозерье с округой и южная часть северновепской территории входили в то время в одну административную единицу — Оштинский погост с центром в с. Ошта на южном берегу Онежского озера. В прошлом объединяющим началом служило, бесспорно, Онежское озеро. Территория же белозерских говоров входила в состав другой административной единицы — Белозерского княжества и, как уже отмечалось выше, осваивалась собственно вепским населением относительно поздно. Традиционная граница была воспроизведена затем на более позднем этапе как граница Олонецкой и Новгородской губ.

² Формирование административных границ возможно проследить, начиная с XV в., когда, как отмечалось выше, реконструированные границы вепсского этноязыкового ареала в значительной степени повторяли очертания границ северной части Обонежской пятины. В дальнейшем (1649 г.) на ее базе появился Олонецкий уезд, вошедший в 1727 г. в Новгородскую губ., на протяжении XVIII в. неоднократно менявший статус, пока в 1801 г. не была образована Олонецкая губ. Показательно, что в XIX в. вепские поселения оказывались поделены между Олонецкой и Новгородской губ. таким образом, что граница проходила по «самой вепской» р. Ояти, разные берега и соответственно разные западные говоры средневепского диалекта вдоль которой оказались в разных губерниях: северный берег — в Олонецкой, а южный — в Новгородской. Это обстоятельство, однако, не разрушило языковое единство западных средневепских говоров, которые сложились как определенная целостность уже в предшествовавшее установлению этой искусственной границы время.

Общие изоглоссы, объединяющие северные и западные средневепские говоры, также могут рассматриваться с учетом вхождения их в прошлое в состав Олонецкой губернии, а до этого — Обонежской пятины. При этом исторически северновепсская территория делилась между двумя погостами: упоминавшимся уже Оштинским, тяготевшим к Онежскому озеру, и Остречинским, тяготевшим к Свири, что хорошо коррелирует с такими фактами языкового единства, как с западными и восточными средневепскими говорами, которые демонстрирует прионежский диалект. Исходя как из общей историко-географической ситуации, так и наличия в западном средневепском диалекте некоторых исконных прибалтийско-финских признаков в топонимии, логично предполагать, что именно из Присвирья веппское освоение продвинулось и на север, в Прионежье, и на восток, на Онежско-Белозерский водораздел, обеспечив языковое единство данных территорий. На этом фоне специфика южного диалекта может объясняться как консервацией здесь, на южной окраине веппского языкового ареала, ряда признаков, утраченных в центральных говорах, так и поглощением некой прибалтийско-финской волны освоения, продвигавшейся на восток более южным путем. В таком контексте, возможно, следует вернуться на новом этапе исследования к мысли Э. А. Тункело о схождениях в веппском и (южно)эстонском на разных языковых уровнях [Tunkelo, 1946]. Позднее свои коррективы в формирование диалектной карты веппского языка внесло установление административных границ, приведшее к административной разобщенности территории и к формированию более устойчивых границ. Убедительным примером может служить генезис т. н. переходных средневепских говоров, расположенных по р. Капше, на границе среднего и южновеппского ареала, в пределах Тихвинского уезда Новгородской губ. Объединяясь по основным языковым параметрам со средневепскими говорами Олонецкой губ., они в то же время содержат явные признаки южновеппского воздействия.

Последствия административного членения и, соответственно, вхождения веппских территорий в разные российские губернии отражаются и в несколько разном наборе русских заимствований в отдельных диалектных ареалах, вызванном проникновением их из разных русских центров и не распространившемся на весь веппский языковой ареал. Свой набор заимствованных лексем характерен, к примеру, для южновеппских говоров. Среди наиболее ярких заимствованных лексем *bast'a* 'говорить' (рус. диал. *басить* 'говорить (шумно, много)', *разговаривать*), *bask* 'красивый' из *баской* 'красивый', *rabetk* 'обед' из *паобед*, *пабед*, *пабедок* 'второй завтрак, полдник; время, близкое к полудню' [СРНГ] и др. Будучи представленными в южновеппском ареале и лишь иногда выходя за его пределы на север в зону переходных средневепских говоров, эти и другие заимствования явно проникли с юга, из территориально близких русских говоров, бытующих на р. Тихвинке и смежной территории, тяготеющей к Верхневолжью.

Возможно, за этим стоит вхождение данной веппской территории в границы исторического Тихвинского уезда Новгородской губ., сложившиеся к началу XIX в. Показательно, что на выявленную лексическую границу накладывается и этнонимическая: именно южные веппы и носители переходных средневепских говоров, проживающие в границах бывшего Тихвинского уезда, усвоили от русских соседей этноним *чухари*, веппс. *čuharid*, который используют наряду с исконным *vepsad*, в то время как более северные веппы предпочитают самоназвание *l'udik*. Не исключено, что проникновение обозначенных русских заимствований началось уже раньше, но установление административной границы в первые годы XIX в., видимо, закрепило направление и территориальные границы контактов.

В свою очередь, своеобразие прионежского диалекта заключается в значительном карельском языковом воздействии, проявляющемся на разных уровнях языка и особенно зримо на лексическом. Проникновение карельских переселенцев на северновеппскую территорию зафиксировано уже материалами писцового дела конца XV в., в которых отмечен, к примеру, Ескя Корелянин в Рыбреке [ПК, 1930, с. 37]. Яркими карельскими включениями, отличающими северный диалект на фоне других, служат карельские по своим истокам лексемы *ald* 'волна' (карел.), *tuk* 'прическа' (карел. *tukka, tukku*), *pölu* 'пыль' (карел. *pöly*), *pereh* 'семья' и некоторые другие.

Диалектная карта веппского языка формировалась, таким образом, на протяжении длительного времени и не была статичной. Среди факторов, влиявших на этот процесс, наиболее существенны ландшафтно-географические, обусловившие пути миграций и освоения территории. Важную роль играли административные границы, приводившие к административной разобщенности веппских территорий и, как следствие, — утрате прямого общения носителей языка. Они определяли и основные центры и направления русского языкового влияния. Видимо, имели значение и контакты с предшествующим населением, отчетливее проявившиеся на южных и юго-восточных рубежах веппского языкового ареала, менее плотно и относительно поздно освоенных веппами. При этом, однако, диалектные границы были проницаемыми, и в целом деление на диалекты носит несколько условный характер. ➦

2.2. Веппские этнонимы: история и современность

В этнонимах, называющих веппов, различается три уровня: веппские самоназвания, неофициальные и официальные русские наименования, которые к тому же не статичны. На разных временных срезах этнонимы менялись. К сожалению, сейчас уже невозможно получить полную достоверную картину

функционирования традиционных самоназваний, поскольку она смазана проникшими в вепскую среду официальными наименованиями и забвением традиционных этнонимов. Тем не менее привлечение данных вепских диалектов, а также известных письменных свидетельств позволяет составить карту (рис. 13), которая демонстрирует явные следы ареальной дистрибуции вепских этнонимов.

Вепские самоназвания

Карта свидетельствует, что сквозным образом через всю вепскую территорию проходит этноним *vepsad* — вепсская трансформация русского *вепсы*. На такой характер этнонима указывает сам его облик — форма мн. ч. от основы *veps-*. В соответствии с традиционной прибалтийско-финской моделью показатель мн. ч. должен присоединяться к этнонимной основе, оформленной суффиксом *-lainen* (фин.) / *-laine* (вепс.): *ven'al'ne* 'русский', *vepsl'äine* 'вепс' [СВЯ, 1972]. Иначе говоря, у формы *vepsad* нет глубоких исторических корней. Показательно, что ее не приводят ни источники первой половины XX в., ни даже СВЯ, основанный, главным образом, на сборе полевого материала в 1960-х гг.

Известно, что на официальном уровне в русском языке этноним *вепсы* утвердился в 1930-е гг. XX в., в период национально-государственного и языкового строительства, сначала в научной и справочной литературе, а затем постепенно и в сознании носителей вепсского языка [Пименов, Строгальщикова, 1989, с. 7]. Активное вхождение его в вепское языковое функционирование произошло, очевидно, только в последние десятилетия, в связи с процессами национального возрождения конца XX — начала XXI в. При этом, однако, нельзя исключать, что за какими-то из фиксаций *vepsad* стоит более раннее наименование *vepsleižed*, образованное в соответствии с традиционной прибалтийско-финской моделью.

Последнее в виде целого ряда фонетических вариантов фиксируется преимущественно

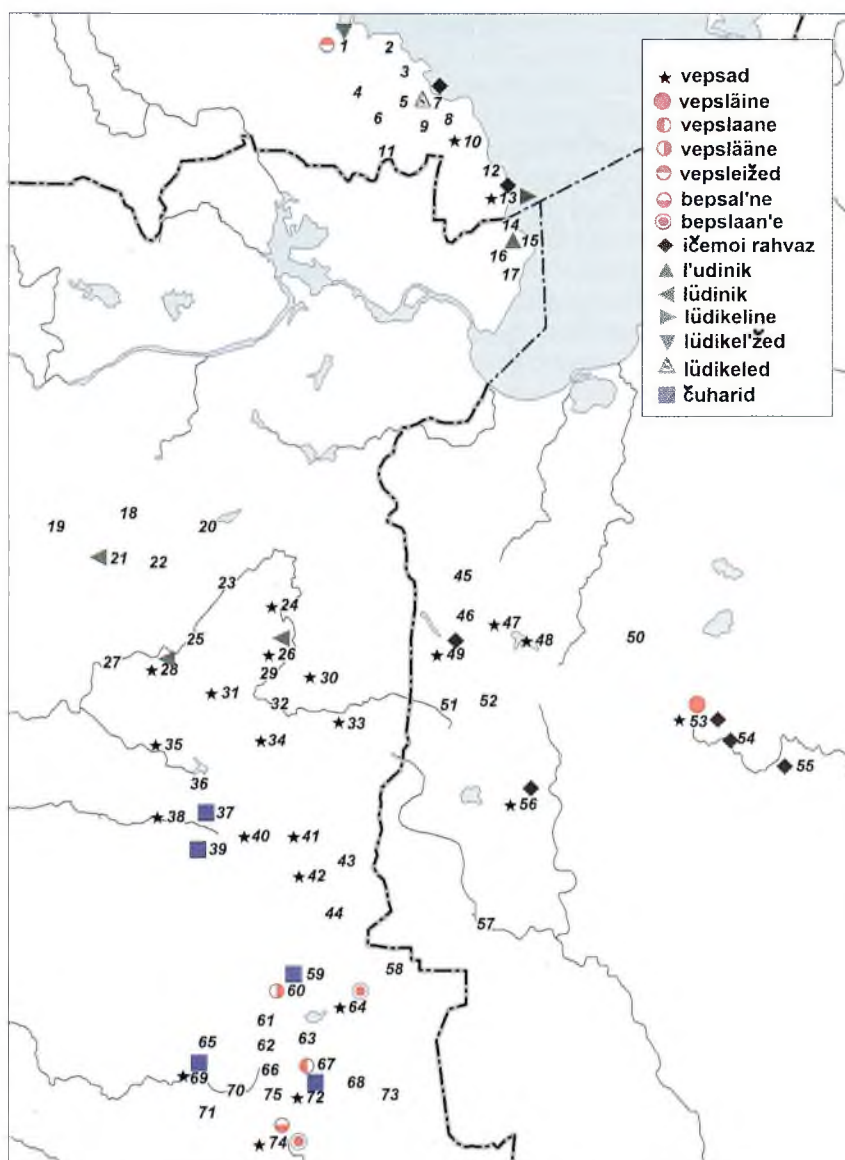

Рис. 13. Самоназвания вепсов

в южновепском ареале. При этом материал карты по самоназваниям явно перекликается с картой, показывающей бытование в вепской среде названий своего языка (рис. 14). Южный ареал этнонима *vepslaažed* получает убедительное подкрепление на языковой карте: *bast'a vepsäks* / *bepsäks* 'говорить по-вепски' однозначно господствует в ареале расселения южных вепсов. Как название языка основа представлена, кроме южновепских говоров, также в переходных говорах верховий Капши. Образуется, таким образом, довольно убедительный компактный ареал с границами в пределах Тихвинского уезда Новгородской губ. Севернее есть отдельные фиксации, которые могут быть как изначальными, так и поздними. Так, СВЯ отмечает *vepsläine* в Пондале, однако вследствие отсутствия ареала не ясно, является ли этноним здесь традиционным или это новое слово, усвоенное из официальной практики первой половины XX в.

Севернее вырисовывается не вполне насыщенный, но тем не менее достаточно убедительный ареал образований от основы *lüdi-*. Прионежские вепсы, а также представители западных говоров прионежских вепсов в пределах бывшей Олонецкой губ. называют себя людиками (*lüdinik*, *lüdikeline*, букв. 'говорящий по-людиковски, т. е. по-вепски'), а свой язык соответственно людиковским (*lüdikel'* 'вепсский язык', *pagišta lüdiks* 'говорить по-вепски'). Южная граница бытования

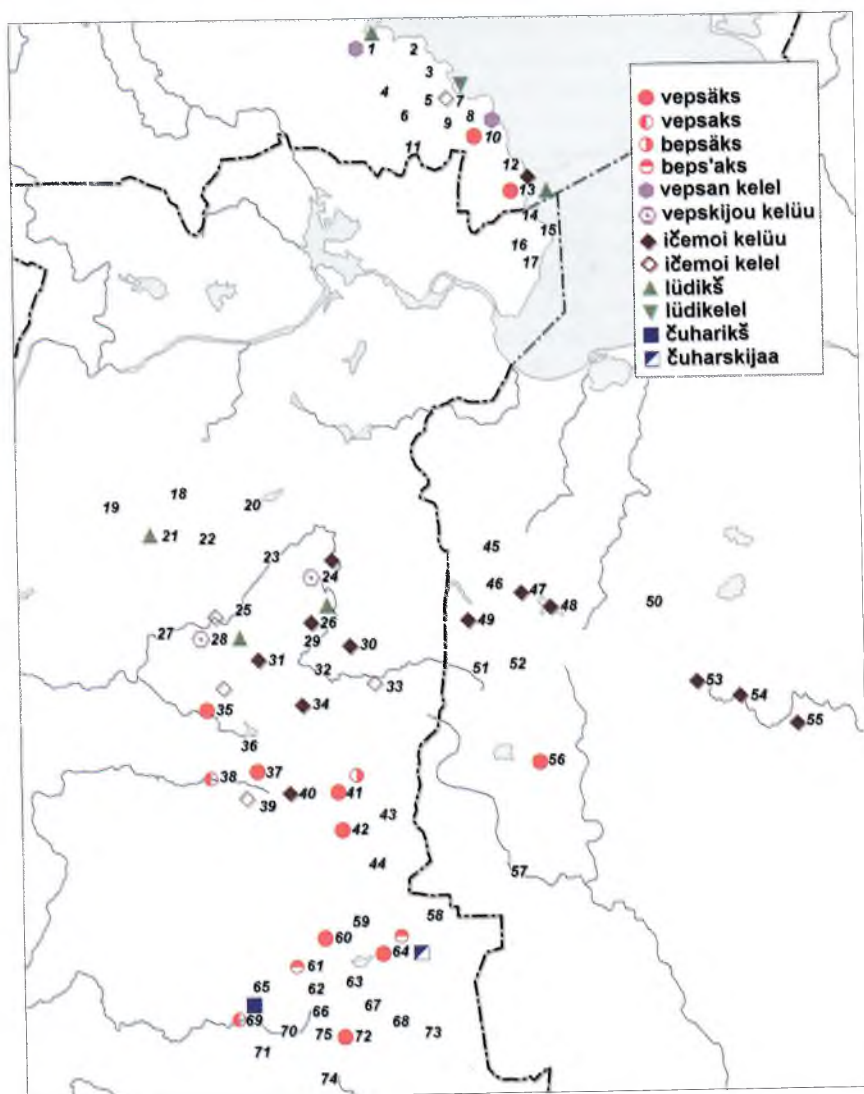

Рис. 14. Вепские названия своего языка

Нумерация вепских пунктов (по диалектам), используемая на диалектных картах

Северновепский диалект:

1. Šokš (Шокша), Прионежский р-н, РК.
2. Išan' (Ишанино), Прионежский р-н, РК.
3. Vehkoja (Вехручей), Прионежский р-н, РК.
4. Haršom (Габшема), Прионежский р-н, РК.
5. Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, РК.
6. Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, РК.
7. Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, РК.
8. Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, РК.
9. Mägi (Горнее Шелтозеро), Прионежский р-н, РК.
10. Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, РК.
11. Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, РК.

12. Toizeg (Другая Река), Прионежский р-н, РК.
13. Kaskezoja (Каскесручей), Прионежский р-н, РК.
14. Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
15. Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
16. Himd'ogi (Гимрека), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
17. Kal'i' (Щелейки), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

Средневепский диалект (западные говоры):

18. Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Rečal (Печеницы), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
20. Čikl (Чикозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
21. Karhil (Каргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
22. Nirgl (Ниргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
23. Kuzra (Кузра), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

24. Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
25. Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
26. Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
27. Koskenpä (Надпорожье), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
28. Vil'häl (Ярославицы), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
29. Sarjäv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
30. Rihaluine (Подовинники), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
31. Recoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
32. Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
33. Ladv (Ладва), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
34. Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
35. Enar'v (Вонозеро), Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.
36. Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
37. Korbal (Корбеничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
38. Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
39. Haragl (Харагеничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
40. Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
41. Rebagj (Ребов Конеч), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
42. Noidal (Нойдала), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
43. Čidoi (Чидово), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
44. Korval (Корвала), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.

Средневепский диалект (восточные говоры):

45. Torazgär (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šatjäv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
47. Šimgär' (Шимозеро-Сюръя), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
48. Püütkaš (Пелкаша), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
49. Väräsjär (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
50. Särjäv (Сяргозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
51. Nažamgär (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
53. Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
54. Kuja (Куя), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
55. Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
56. Pāžar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
57. Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.

Южновепсский диалект:

58. Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Laht (Лакта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
60. Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
61. Čaigl (Чайгино), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
62. Sar' (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
63. Peloo (Пелуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
64. Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
65. Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
66. Bušak (Бошаково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
67. Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
68. Sirj (Перелесок), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
69. Maslagj (Маслозеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
70. Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
71. Tedroo (Тедрово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
72. Maigär' (Боброзера), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
73. Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
74. Arskaht' (Радогощь), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
75. Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.

этнонима накладывается на границу, разделявшую в прошлом Олонецкую и Новгородскую губ. При этом следует отметить более широкое бытование этнонима на территории Лодейнопольского уезда Олонецкой губ. в прошлом. Н. Ф. Лесков, обследовавший здесь в конце XIX в. около двух десятков вепсских поселений, сейчас исчезнувших или обрусевших, констатировал, что жители «себя называют *ljuvdiköt*, а языкъ свой *ljuvdikönkeli*, — такъ же точно, какъ называютъ себя карелы» [Лесков, 1895]. Свидетельство Н. Лескова важно тем, что фиксирует утраченный вепскими говорами вариант **lūdīkod* 'людики', сопоставимый с кар.-люд. *lūdīkoi*, в котором использован традиционный для называния человека прибалтийско-финский формант *-kko/-kko/-k*, ср. фин. *savakko* 'савакот, т. е. представитель саво', ижор. *ingerikko* 'ижорин' [IMS],

вепс. *norik* 'молодуха, молодая жена', *ven'ak* 'русская женщина' [СВЯ, 1972]. Судя по данным финских источников XIX в., в северновепсской среде бытовал и другой традиционный в смысле структурного облика вариант этнонима *lūdīlain'e* [SSA, ст. *lyydi*] с суффиксом *-lain'e*. На этом фоне современные варианты, видимо, имеют более позднее происхождение. Средневепсский *lūdinik* включает в свой состав русский по происхождению формант *-nik* < рус. *-ник* и возник, возможно, в ходе обкатки вепсского термина русским языком, введшим его (**lūdīk*) в ряд русских обозначений человека, оформленных суффиксом *-ник*, с последующим возвращением русифицированного этнонима в вепское бытование. В этом же ряду *ven'anik* 'русский' [СВЯ, 1972]. Вторичный характер и у северновепсского *lūdīkeline*, 'говорящий по-людиковски (т. е. по-вепски)' — производного от сложного по структуре существительного *lūdi/ke* 'людиковский (т. е. вепсский) язык'.

На юго-западной границе вепсского ареала, в административных границах исторического Тихвинского уезда Новгородской губ. в качестве самоназвания бытует этноним *čuhar*, мн. ч. *čuharid*, воспринятый из смежных русских говоров. Он известен и на других вепсских территориях, однако не в качестве самоназвания, а как уничижительно-пренебрежительное прозвище, данное русскими соседями. Наконец, на восточной окраине вепсского ареала, в глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где этнические контакты были ограничены, используется словосочетание *ičemoi rahvaz* 'свой народ'³, язык, соответственно, *ičemoi ke* 'свой язык'. Как название языка оно известно большинству средневепсских говоров — как восточных, так и западных.

В бытовании этнонимов просматривается, таким образом, довольно четкая граница, разделяющая ареалы *veps-* и *lūdi-*, из которых первый бытует у южных вепсов, а второй — у средних (западные говоры) и северных. При этом, однако, переходные средневепские говоры, граничащие с южными, формируют с последними единый ареал *veps-*. Видимо, не случайно граница этнонимных ареалов накладывается на административную границу, разделявшую в прошлом Олонецкую и Новгородскую губ. (соответственно Лодейнопольский и Тихвинские уезды), начало формирования которой относится к началу XVIII в. Надо полагать, что устойчивые административные границы служили своего рода рубежами при оформлении этнонимических ареалов, даже при том что рождение последних и восходит к более раннему времени. Обусловленность этнонимических ареалов традиционным административным членением подтверждается и бытованием в качестве самоназвания термина *čuharid* в пределах Тихвинского уезда, где он широко известен в территориально смежных русских говорах.

Как сложились эти карты и отраженная на них ареальная дистрибуция? Далее предложена попытка реконструировать более ранний срез ситуации.

Этнонимическая карта: исторический срез

Во-первых, надо учитывать, что *lūdi-* на самом деле существует в более широком контексте, поскольку это одновременно самоназвание карелов-людиков (*l'üüd'i*, *l'üüd'i*, *l'üüd'ikuo*, *l'üüdiköi*, *l'üüdilaazed* и др. модификации — см. подробно [Pahomov, 2017, с. 82–87]) и карелов-ливвиков (*livvi*, *livviköi*, *liügiläne* и др. — напр., [Grünthal, 1997, s. 76]), проживающих на водоразделе Онежского и Ладожского озер, исторически входившем в вепсский языковой ареал. На этнонимической карте они совместно формируют единый ареал, тяготеющий к р. Свири, которая была основной водной артерией в этом регионе. Привязка к Свири, видимо, имеет историческую подоплеку.

³ Соплеменника здесь могут называть также просто *tähine*, *tägalaine* 'здешний', а его язык характеризовать словами *meide karte pagizēb* 'по-нашему говорит', *ičemoi kelüu pagizēb* 'на своем языке говорит'.

Считается, что этноним имеет новгородские корни и восходит к др.-русс. *люди, людин* 'свободный человек; обычный горожанин в противовес знатному сословию' [Фасмер, 1986–1987; SSA]. Можно полагать, что он распространился по Свири вместе с новгородским освоением и служил названием местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Такая схема укладывается как в этноисторический, так и в историко-языковой (наличие вепсского субстрата в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка) контекст.

Сложнее с этнонимной основой *veps-*, у которой тоже есть более широкий контекст за пределами южновепсского ареала. Исторически термин явно имел более широкое бытование. Об этом свидетельствует, например, то, что паданские карелы называют вепсами (*vepsäläised*) своих южных соседей карелов-людиков. В районе людиковско-собственно-карельской границы в северо-западном Обонежье сосредоточена и группа топонимов с основой *veps-/вепс-*, отмечающая границу бывшего распространения вепсов в северо-западном Обонежье [Муллонен, 2002, с. 163].

Следы этнонима обнаруживаются и в топонимии восточного Обонежья [Соболев, 2015, с. 460], а также в Северо-Западном Приладожье — и шире — в восточной Финляндии, где *vepsä-* хорошо известно также в качестве антропонимной основы, закрепившейся в целом ряде финских фамилий [SN, 2000]. Этнограф Н. Валонен был склонен связывать распространение здесь этнонима с вепсской экспансией [Valonen, 1980, s. 74], что, однако, не находит убедительных лингвистических и археологических подтверждений. В связи с этим интересно предположение о карельском-ливвиковском посредничестве в распространении названий, особенно таких, в которых выступает вариант *vepsu-* [Grünthal, 1997, s. 101]. Обратное направление миграции этнонима: с территории юго-восточной Финляндии в Присвирье предполагает российский исследователь В. Напольских [Напольских, 2007], что также выглядит дискуссионным.

Карта взаимного положения исторических ареалов этнонимов *вепсы* и *людики* показывает, что *вепсы* сохранилось прежде всего в отдаленных от свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге. Иначе говоря, новгородская миграция первых веков второго тысячелетия н. э., продвигавшаяся вдоль Свири, разделила единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения карельского освоения из Северо-Западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизованных вепсов — ливвиков и людиков.

Традиционно считается, что в летописи XII в. вепсы известны и как *чудь*, и как *весь*, а функционирование двух терминов связано с тем, что западная часть вепсской территории тяготела к Приладожью

(чудь), в то время как восточная — к Белозерью (весь). При этом, однако, в Белозерье отсутствует ранняя собственно вепсская топонимия, в то время как в изобилии представлены доприбалтийско-финские модели, а редкие прибалтийско-финские существенно отличаются от собственно вепсских [Захарова, Макарова, Муллонен, 2016]. В совокупности с рядом других обстоятельств слабое представительство этнонима в прибалтийско-финских языках, наличие в белозерских вепсских и русских говорах специфической лексики позволяют высказать предположение о том, что этноним *весь* «Повести временных лет» мог обозначать первоначально «вепское» население региона и перешел на вепсов в ходе продвижения последних на восток. Следы этнонима как в этнонимическом функционировании, так и в топонимии в северо-западном Обонежье, а также в Северо-Западном Приладожье могут быть рудиментами прежнего ареала как самого этнонима, так и называемого им этноса. В русле современных представлений о формировании этноязыковой карты территории российского Северо-Запада язык последнего можно квалифицировать как западноуральский — общий предок мордовских, самских и прибалтийско-финских языков [Häkkinen, 2009; Kallio, 2015]. Южновепсское самоназвание *vepslaane* в этом контексте является продолжением древнего западноуральского этнонима.

Неофициальные русские именования вепсов

На неофициальном уровне русские соседи называли вепсов *чухарями* — прежде всего это относится к южным вепсам, а также *кайванами* или *кайбанами*. Между этими этнонимами тоже существует явная ареальная дистрибуция. Термин *чухари* бытовал, прежде всего, на южной окраине вепсской территории. Можно полагать, что он проник на восток по тому маршруту, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья. Исследователи XIX в. привязывают его бытование к Тихвинскому уезду Новгородской губ. [напр., Никольский, 1895]. Собственно, вепсские карты полностью согласуются с этим, отражая усвоение русского названия в вепсские южные и переходные говоры — на территории исторического Тихвинского уезда.

В свою очередь, этноним *кайваны* или *кайбаны* имеет, видимо, белозерские истоки. Он используется, прежде всего, применительно к вологодским вепсам, на восточной окраине вепсской территории. Помимо пондальско-куйских и шимозерских вепсов, им называли вепсов, населявших теперь уже обрусевшие поселения в верховьях Суды, а также проживавших в Исаевской вол., на северо-восточной границе Белозерья. *Черноухими кайванами* называли жителей Андомского края — д. Сойдозеро и Ладвозеро [Логинов, 2001г, с. 367]. Этноним проник и в верхнее Присвирье. С точки зрения традиционного административного членения это Белозерский уезд Новгородской губ. и Вытегорский уезд Олонецкой губ. Впрочем, надо полагать, что, как и в случае с дистрибуцией терминов *veps-* и *ludi*, административные границы XVIII–XIX вв. лишь в какой-то

степени стабилизировали ареалы отдельных этнонимов, которые имеют более глубокие исторические корни и связаны, видимо, с разными маршрутами русского продвижения в ареал вепского расселения: *кайваны* из Верхневолжья и расположенного на этом маршруте Белозерья к Онежскому озеру, *чухари*, за которыми стоит историческая *чудь*, из Новгородской округи по водно-волоковым путям в Верхневолжье, в том числе в Белозерье и далее на восток. Именно на такие пути проникновения терминов *чухари* и *кайваны* в вепское Межозерье указывает этнонимическая ситуация верхней Суды, где в районе впадения в нее притоков Колошмы и Ножемы еще до середины XX в. располагались вепские поселения, ныне полностью обрусевшие. Здесь, собственно, столкнулись два этнонима: с одной стороны, пришедший с запада (р. Лидь и Колпь) — *чухари*, а с другой — *кайбаны*, проникший из Белозерья вверх по Суде. При этом в верховьях р. Колошмы и Ножемы известны *чухари*, а в низовьях, как и на самой Суде, — *кайбаны* [Муллонен, 2006].

В Присвирье источниками конца XIX в. зафиксировано еще одно локальное именование вепсов — *кайка*, *кайки* 'насмешливое прозвище вепсов' [СРНГ]. М. Фасмер со ссылкой на Я. Калима предлагает для *кайки*, пожалуй, избыточно академическую этимологию, исходящую из якобы народно-этимологической интерпретации приб.-фин. лексемы *kaikkī* 'все' как перевода древнего этнонима *весь* [Фасмер, 1986–1987]. Скорее следует обратить внимание на *кайка* 'бранное слово' в Каргополье и олонечкое *кайга* 'об упрямом, несговорчивом человеке', которые могут восходить к глаголам *кайковать* 'говорить', *кайкать* 'говорить громко, возбужденно; судачить' [СРНГ, 1965–], имеющих, в свою очередь, прибалтийско-финские истоки.

Подведем итоги. Этнонимическая пестрота имеет глубокие исторические корни. Как в самоназваниях, так и в названиях вепсов, данных русскими соседями, налицо ареальная дистрибуция, которая связана с тем, что вепская этническая территория располагалась на транзитных водно-волоковых путях. Результатом являлось ее вхождение на протяжении длительного времени в разные зоны притяжения, что, в свою очередь, приводило и к разным именованиям. Топографическая карта, расположение водных путей имели своим следствием формирование административной карты: от княжеств и пятин до губерний, а затем и областей. Административная разобщенность вепских территорий сопровождалась этнонимической неоднородностью, в ряде случаев границы этнонимических ареалов совпадают с губернскими границами XVIII–XIX вв. Просматривается отчетливая тенденция перехода названия, данного соседями,

в самоназвание. Так, очевидно, произошло в свое время с этнонимом *людьки*, первоначально использовавшимся новгородцами применительно к вепсам Присвирья, а затем ставшего самоназванием. Так случилось и с этнонимом *чухари*, которое стало для части южных вепсов самоназванием, при том что другие воспринимают его как уничижительное. Термин *кайваны* (или *кайбаны*) сохранил для вепского населения статус уничижительного прозвания, данного русскими соседями, возможно, в силу слабых русских контактов, и не перешел в самоназвание. Тут, на восточной окраине вепского этноязыкового ареала, собственно, и нет самоназвания в традиционном смысле, используется определение *ičemoi rahvaz* 'свой народ'.

Что же касается выдвигаемых в литературе этимологий этнонимов, называющих вепсов, все они в той или иной степени спорны. Относительно устоявшимися выглядят интерпретация этнонимов *людьки*, упомянутая выше, и название *чухари* — как образование от основы *чудь*, в интерпретации которой принято исходить из ее германских корней и древнерусского посредства. В соответствии с ней этноним был принесен на территорию Верхней Руси славянами. Последние усвоили его в древности в результате контактов с германцами: праж.-герм. **þiubō* 'народ, люди' > др.-слав. **tjudъ* 'чужой народ' [Бубрих, 1947, с. 22–26], а затем, переселившись в Приильменье и на Волхов, стали использовать его применительно к тамошнему местному прибалтийско-финскому населению. По мере древнерусского освоения севера ареал употребления этнонима расширялся, включив в свою орбиту целый ряд этносов.

Неубедительно обсуждаемое в литературе сопоставление *кайванов* как с *квенами*, так и *колбьягами* (на уровне этнонимов). Скорее, следует обратить внимание на русское диалектное *кайбовать* 'рассуждать, судачить' (черепов.), 'беседовать' (осташк., ярослав.), 'говорить' (пошехон.) [СРНГ, 1965–].

Наиболее сложен в своих этимологических истоках этноним *вепс*. Если исходить из того, что другие этнонимы, называющие вепсов, восходят не к вепскому языку, как, собственно, и должно быть в соответствии с универсальной закономерностью происхождения этнонимов в языке смежно проживающего населения, истоки этнонима *вепсы* тоже следует искать в языках соседей. Наиболее обсуждаемая этимология связывает его с саам. *væk'se* 'плавник рыбы', у нее есть и свои сторонники [SKES, 1955–1979], и противники [SSA, 1992–2000]. При этом у исследователей практически не вызывает сомнения, что летописный этноним *весь* связан с современным названием *вепсы* [напр., SSA, 1992–2000].